

18+

Игорь Назаров

Жанна де Арк

Ведьма Христова

Игорь Назаров

Жанна де Арк. Ведьма Христова

«Издательские решения»

Назаров И.

Жанна де Арк. Ведьма Христова / И. Назаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908199-5

Это девушка прошла путь от официально признанной ведьмы до канонизированной святой. Во всей истории человечества такое не удавалось больше никому.

ISBN 978-5-44-908199-5

© Назаров И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1.	10
Глава 2.	14
Глава 3.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Жанна де Арк Ведьма Христова

Игорь Назаров

*«О, честь какова для женского пола,
что Бог Возлюбил его так,
что когда весь сей великий народ
Был жалким как пёс,
а всё королевство являло собою пустыню
Он женщину выбрал,
чтоб вновь возродить сей народ
И вернуть ему силы».¹*

© Игорь Назаров, 2018

ISBN 978-5-4490-8199-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Читатель, дай мне руку, я хочу пригласить тебя в путешествие. Пойдём со мной, я знаю дорогу. Посмотри, где мы с тобой оказались. Видишь величественное здание? Это древний собор Нотр Дам де Реймс. Место коронации всех французских королей.

Да-да, мы во Франции и давай-ка, не теряя времени, пройдем внутрь собора. Он очень тщательно охраняется, но стража нас с тобой не заметит.

Посмотри – под высоченными сорокаметровыми сводами собора собралась огромная, пышно разряженная толпа. Пусть тебя не удивляют наряды этих людей. Взгляни на календарь – мы с тобой попали в 17 июля 1429 года.

Сегодня здесь должны короновать на французский престол дофина Карла де Валуа.

То есть должно произойти событие, в реальность которого, хотя бы самую слабую, ещё совсем недавно во всей Европе не верил никто, включая самого дофина Карла.

Никто, кроме одной семнадцатилетней девушки.

Кстати, вот и она. Современники оставили нам запись, как она выглядела, в сей знатный день. Поэтому мы с вами можем подробно её разглядеть.

На девушке короткая, чуть ниже пояса, мужская куртка из голубого бархата, расшитая золотыми шёлковыми узорами. Между прочим, голубой с золотом – цвета французских королей. Коротко подстриженные тёмные волосы покрывает бархатный берет малинового цвета. На ногах вишнёвые чулки и вишнёвые короткие сапожки. Девушка опоясана поясом с серебряными накладками. На поясе короткий меч в бархатных ножнах вишнёвого цвета.

А какова её внешность? Вот опять свидетельство современника посланника миланского герцога Филиппо Мария Висконти, присутствовавшего на коронации

«...Дева сия сложена изящно, у неё чёрные волосы, чёрные глаза, красивая грудь и приятный женский голос. Держится она совершенно по-мужски. В речах высказывает необыкновенную рассудительность. Ест она мало и никогда не пьёт вина. Она ненавидит многолюдные сборища и пиры. Ей очень нравятся дорогие боевые кони и красивое оружие...»

Такова была в момент пика своего могущества и славы Жанна де Арк. Национальная героиня Франции и одна из самых ярких личностей всей истории человечества!

Единственная в истории, женщина – Верховный Главнокомандующий!

Единственная в истории, проделавшая путь от официально признанной ведьмы и еретички до канонизированной святой!

Её жизнь задокументирована так, как не документировалась жизнь ни одного из её современников, за исключением, может быть, Римских Пап.

По крайней мере, о королях той эпохи нам известно гораздо меньше, чем об этой семнадцатилетней девушке.

Судите сами

Только очевидцами и современниками написаны о Жанне де Арк 22 французские, 8 бургундских и 14 иностранных хроник.

Добавим к этому мемуары её соратников.

Ну и, наконец, многотомные материалы двух судебных процессов над ней.

Источников более чем достаточно.

Кстати, именно потому, в этой повести вы почти не встретите ни одного вымышленного мною диалога. Все они – живые голоса, донесшиеся до нас сквозь толщу шести столетий.

Так, что выдумывать не было ни малейшего смысла.

Повесть наша коснётся только одного эпизода из множества деяний Жанны. Мы начнём 12 февраля 1429 года, в день, когда Жанна с небольшим, но отлично вооружённым, отрядом соратников отправится в безумно опасное путешествие из города Вокулер на северо-западе Франции, на шестьсот километров к юго-западу. В город Шинон. Ко двору дофина Карла.

А закончим спустя три месяца – 8 мая 1429 года. В момент, когда Жанна одержит победу в одной из самых великих битв Средневековья – битве под Орлеаном и тем самым поставит себя в один ряд с величайшими полководцами в истории человечества.

Но она выше, чем просто великий полководец (кстати, великим полководцем называл её сам Наполеон Бонапарт, так, что это не только моё мнение), нет, она была кем-то ещё. Но кем?

Все, кто имел с ней дело, в один голос твердят: «В этой девушке, что-то было»

Это «что-то» я и хочу вам показать, но объяснить это «что-то» – не берусь.

Скажу сразу, я не верю в то, что она крестьянская девушка, пастушка из Домреми. Но нет никаких сомнений в том, что

– В то время в Домреми действительно жила очень благочестивая девушка, дочь уважаемых родителей, которую звали Жаннетта Ромэ

– Что эта Жаннетта в январе 1429 года покинула родное село с целью спасти Францию и больше никогда не вернулась на Родину.

– Что наша героиня очень сильно хотела, чтобы все считали её именно вот той самой пропавшей крестьянкой из Домреми и много в том преуспела

– Что именно под именем Жаннетты и выдавая себя за неё, она появилась в городе Вокулёр. Правда уже через несколько дней стала называть себя – Жанна.

Всё бы ничего, но вот только Жаннетта Ромэ ни при каких условиях не сумела бы делать того, что делала Жанна: управлять боевым конём, носить доспехи, владеть мечом и топором, прекрасно разбираться в стратегии и тактике, управлять артиллерийским огнём и т.д., и т.п.

А сама Жанна, как ниже будет видно – не знала очень многого и важного о жизни Жаннетты Ромэ.

И, по крайней мере, два-три раза наша героиня встречалась и беседовала с глазу на глаз этой наивной крестьянкой из Домреми, с той, чьё имя и биографию она забрала, чуть позднее, себе. И этот факт я, ниже, тоже попробую доказать, опираясь на... дошедшие до нас слова самой Жаннетты Ромэ.

Вот только я не берусь утверждать, что вместе с именем и биографией, девушка, вошедшая в мировую историю под именем Жанна де Арк, не забрала у этой крестьянки, во время их последней встречи, и жизнь. Ведь нельзя же было допустить, чтобы эта Жаннетта вдруг взяла и вернулась домой в тот момент когда «она» вообще-то воюет под Орлеаном. Так, что может быть тело Жаннетты Ромэ так и истлело в лесу рядом с Домреми. А, может, она закончила свою жизнь в глубокой старости, монашкой в каком ни будь дальнем монастыре.

Сама же Жанна кем-то очень долго, возможно с самого раннего детства, готовилась для выполнения той миссии, которую, в конце-концов осуществила, а осуществив, вдруг вышла из под контроля и стала очень опасна для всех, включая своих, неизвестных нам, воспитателей и покровителей.

Кто они были? Не ведомо. Но, скорее всего, один из католических орденов.

Историк и Президент геральдического совета Франции виконт Оскар де Поли полагал, что Жанна, выражаясь современным языком «проект» Ордена Францисканцев.

Однако с ещё большим основанием можно считать её «проектом» Ордена Доминиканцев – «Псов Господних». Ведь доминиканцев мы всё время видим неподалёку от Жанны. И в Ордене Доминиканцев состояли женщины. Да ведь и инквизиция была в те времена полностью в руках доминиканцев. И если учесть, что инквизиция сразу отстранилась от обвинительного процесса Жанны, устроенного англичанами, но зато именно инквизиция была ини-

циатором и главным организатором оправдательного процесса Жанны в 1450—56 годах, то задумаешься.

А историк Жак Кордые считает, что Жанна продукт Тевтонского Ордена. В обосновании этого он указывает на высочайшее, для того времени военное искусство Жанны и то, что в путь из Вокулёра в Шинон её снаряжал один из германских герцогов Карл Лотарингский. Он дал её людей, коней и снаряжение, плюс выделил на дорожные расходы сто золотых ливров. Чтоб размер суммы был понятен современному читателю, скажу – опытный каменщик в то время зарабатывал от силы 10—15 ливров в год. Рядовой солдат-наёмник примерно 4—5 ливров в месяц.

Вообщем, как мы видим, в том направлении исторической науки, что занимается исследованием жизни Жанны де Арк (а для этих целей специально создан во Франции Институт Жанны де Арк) есть мнения, что Жанна, главный герой некой спецоперации.

Я это мнение полностью разделяю. И, в принципе, книгу эту можно было бы назвать «Спецоперация «Пастушка».

Если бы... если бы волей неволей не пришёл я к тому же выводу, что и соратники Жанны – «В этой девушке, что-то было»

И это, «что-то» не всегда вмещается в привычную картину мира. И, честно говоря, порой закрадывалась ко мне мысль о том, что.....

Но, тссс, читатель, мы с тобой отвлеклись, а там, в Реймском Соборе какой-то шум. Давай-ка быстренько вернёмся туда и поглядим, что случилось.

А вот, что. Когда в собор стали заносить королевские штандарты и знамёна других французских полководцев Жанна остановила процессию и потребовала, чтобы её штандарт внесли в Собор первым.

Так и было сделано. Её белый стяг с вытканной на нём радугой внесли внутрь самым первым. И остальные штандарты вынуждены были расступиться перед ним.

Жанна показала рукой на своё знамя и сказала:

«Оно вынесло тяжесть – ему надлежит и честь»

Потом посмотрела на окружающих так, как только она одна и умела. И головы высоко-родной знати и князей церкви почтительно склонились перед девушкой.

Жанна могла быть довольна. Пусть кланяются и пусть хорошенько осознают – чей, на самом деле, сегодня триумф.

А ведь всего полгода назад.....

Давай – ка, читатель перенесёмся на полгода назад. У нас есть такая счастливая возможность.

12 февраля 1429 года. Раннее утро. Западные ворота Вокулера. Отряд в двадцать человек стоит на выезде из города. Тихо всхрапывают кони. Позвякивает узда. Сыплет с неба снег и всадники кутаются в шерстяные плащи из под которых тускло поблескивают кольчуги.

Во главе отряда Жанна. Рядом с ней стоит, держась за узду коня Жанны, правитель Вокулёра капитан Робер де Бодикур. Старый, опытный вояка.

Совсем недавно он выгнал прочь вот эту наглую девчонку, появившуюся в его городе откуда не возьмись и заявившую, что она де Посланица Божья и идёт спасать Францию. Дай ей сопровождающих и коней. Получила вместо этого затрещину. Не успокоилась. Переманила на свою сторону всех жителей Вокулёра. Побывала в Германии у герцога Карла Лотарингского. Добилась поддержки от него. И немалой поддержки. Убедила, наконец, и самого де Бодикюра.

Теперь ей пора в путь. Шестьсот миль, большей части по вражеской территории. Пройдёт ли?

Робер де Бодикур вздыхает, снимает с пояса свой проверенный в многочисленных боях меч и протягивает Жанне

– Возьми. Пусть принесёт он тебе удачу.

Потом хлопает по крупу коня

– Поезжай, Жанна. И будь, что будет.

Отряд трогается с места. Гулким эхом отдаётся стук копыт в каменной арке ворот. Отряд выходит из города и скоро скрывается с глаз. Их путь лежит очень далеко. В город Шинон. Навстречу славе. Навстречу бессмертию.

Глава 1. Путь в Шинон

Один из спутников Жанны, Бертран Пуланжи позднее вспоминает об этом безумно рискованном путешествии

«Повсюду кишели бургундцы и годоны (так французы называли англичан по любимому английскому ругательству God damned – будь я проклят) поэтому нам надо было соблюдать осторожность. Каждую ночь Жанна-Дева ложилась рядом со мной, не снимая плаща и сапог. Я был молод тогда, но, несмотря на сильное желание и телесное влечение, не посмел тронуть Жанну»

Эти строки Пуланжи писал на склоне лет. Поэтому очевидно запомнил, что Жанна не каждую ночь спала с ним. Иногда, по неизвестным соображениям, она устраивалась в одной постели с другим своим телохранителем – Жаном из города Мец.

Тот вспоминая об этом, клянётся, что не только не делал никаких попыток овладеть Жанной, но и желания к тому не испытывал, несмотря на внешнюю привлекательность Девы.

В отсутствие желания у Жанна из Меца охотно верится, так как сей отважный воин был геем.

У спутников Жанны во время всей этой одиннадцатидневной гонки время от времени возникали сомнения в том, что король не то, что Жанне войско даст, но и вообще примет и выслушает их.

Жанна не давала этим сомнениям разрастись, пресекая их сразу при появлении:

«Нас всё время одолевали сомнения, но Жанна повторяла, что не нужно бояться, потому, что когда мы приедем в Шинон, благородный дофин встретит нас с радостным лицом»

На своём пути Жанна совершает несколько очень интересных остановок.

Первую из них – уже на второй день. И ни гденибудь а в доминиканском монастыре Сент – Урбан.

Там Жанна со своими спутниками провели почти весь день и заночевали.

Вообще-то это мужской монастырь. На данный факт спутники указывают Жанне, увидев, куда она ведёт их, но девушку это, ни в малейшей степени, не смущает.

Жанна направляется в монастырь как к себе домой...и её запускают туда без всяких вопросов, как и вправду к себе домой. Так, что эту ночь отряд Жанны провёл в комфортных условиях. А вот дальше Жанна погнала их без остановок. Прерывая путь только на краткие ночные привалы, отряд преодолел почти всю Бургундию и Восточную Шампань. Переправился в стороне от мостов через три, разлившиеся от весеннего половодья, реки.

И всё это по бездорожью, ибо Жанна ведёт их в стороне от больших дорог, тщательно обходя не только города, но даже и деревни.

Ведёт так уверенно, будто всю жизнь прожила в этих краях. И при этом утверждает, что никогда здесь не бывала и говорит спутникам, что это её «голоса» ведут отряд.

Наконец самый опасный участок пути, пролегающий по вражеской территории, заканчивается. Впереди город Осер. Последний город на вражеской земле. Сразу за ним уже королев-

ский домен или «Буржское королевство» как называли тогда ту часть Франции, что оставалась ещё французской.

И тут Жанна неожиданно изменяет своему обычаю: идти быстро и тайно. Она направляется прямо в Осер, идёт там в кафедральный собор, слушает мессу, причащается, потом ещё сама долго-долго молится.

Полдня Жанна проводит в кафедральном соборе за молитвами. А потом срывается с места и стремительно покидает город. Небольшой переход и её отряд уже на дружественной территории. Эту ночь они проведут не на сырой земле у чахлого костерка, как предыдущие, а в тёплых и мягких постелях. Под крышами гостеприимного городка Жьен.

Пусть пока спят, а мы с вами подведём некоторый итог прохода Жанны по Бургундии.

Вы обратили внимание, что в начале самого опасного участка своего пути, в его крайней восточной точке, она довольно долго гостит в мужском (!) доминиканском монастыре? Потом она исчезает с отрядом в бургундских дебрях. Проходит Бургундию с востока на запад, стараясь не попасться никому на глаза. Но в конце бургундского участка своего маршрута Жанна выходит из лесов и явно выставляет себя напоказ.

Как хотите, но мне кажется, Жанна делает это умышленно. Кажется, что она хочет, чтобы кто-то увидел её в Осере живой и здоровой.

Ведь правда же, очень похоже на то, что своими остановками в монастыре в начале пути и в соборе в конце его Жанна как бы фиксируется для кого-то в неких «контрольных точках» своего маршрута.

Да, в Осере Жанна ни с кем не общается. Только молится. Но для того, чтобы «считать» сигнал, и не надо непосредственного контакта.

Достаточно, чтобы нужные глаза увидели Жанну в кафедральном соборе и сообщили интересующимся лицам, что-то вроде: «Всё хорошо. Она жива».

Вторая половина пути до Шинона проходит в куда более комфортных условиях, чем раньше. Отряд теперь не прячется, а идёт открыто. На отдых останавливается в городах. Сытно ест, сладко спит. Правда скачут быстро, Жанна медленно перемещаться не любит.

Но как бы ни стремительно двигался отряд Жанны, слухи о Деве явившейся спасти Францию летят ещё быстрее его.

В осаждённом Орлеане о Жанне узнают раньше, чем при дворе короля в Шиноне.

Вот, что, через двадцать лет после этих событий, вспоминает внебрачный брат короля Дюнуа, в то время оборонявший Орлеан.

«Я находился в Орлеане, который осаждали англичане, когда до меня дошли слухи о том, что через город Жьен проехала некая девушка, называемая всеми Девой. Она уверяла, что направляется к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и повести дофина в Реймс для миропомазания. А так как я был королевским наместником и ведал обороной названного города, то послал к королю двух дворян, чтобы получить о сей Деве более полную информацию»

Пусть вас не смущает, что Дюнуа называет здесь Карла то королём то дофином. Обратите внимание, слово «дофин» он вкладывает в уста Жанны.

И это очень характерный штрих. Из сторонников Карла только Жанна называла его в то время всё ещё дофином.

Для всех других он был уже король, но только не для неё.

«Голоса» ей сказали, что Карла ещё предстоит короновать и ни где-нибудь, а в Реймсе. Раз коронация, по мнению «голосов», ещё только предстоит, значит и Карл пока не король.

Вот Жанна его дофином зовёт.

Это с её стороны дерзко, конечно, но это же не первая дерзость которую мы видим от «деревенской пастушки» и, уверяю вас, далеко не последняя.

Дворяне, посланные из Орлеана Дюнуа, прибывают в Шинон значительно раньше Жанны. Но при дворе о появлении на французской земле Девы узнают не от них.

Кто-то решил не пускать всё на самотёк (пошлёт Дюнуа гонцов или нет, не ведомо же) а подготовить появление Жанны у короля тщательней.

И в Шинон приходит Предтеча Девы!

Современник этих событий профессор теологии Жан Эро, очевидец явления предтечи рассказывает такую историю

Некая женщина по имени Марианна из Авиньона за три дня до прибытия Жанны, откуда ни возьмись, появилась в Шиноне (тщательно охраняемом, кстати сказать) и стала громко и экзальтированно всем рассказывать о своих видениях, в которых она видела разорения и беды Франции.

А потом, дескать, она увидела доспехи и оружие. Испытав ужас, Марианна подумала, что ей предложат взять оружие и надеть доспехи. Но глас Божий громогласно сказал ей, чтобы она не боялась, ибо эти латы наденет и это оружие возьмёт в руки не она, а та, что идёт за ней. Дева-Спасительница!

Смутив, таким образом, умы обитателей Шинона (умы, надо сказать, крайне суеверные, как и положено в Средневековье) Марианна исчезла из замка так же таинственно как и появилась.

А вскоре некий гонец, представившийся «посланцем Девы» привёз письмо от Жанны дофину Карлу. И, со слов мэтра Эро, все пришли к твёрдому убеждению, что Жанна и есть Дева.

Само письмо не сохранилось, но о его содержании мы знаем из слов самой Жанны. Спрошенная об этом письме на судебном процессе она рассказала его содержимое

Вот как это зафиксировано в протоколе её допроса:

«Кажется в этом письме говорилось, что она узнает своего короля среди всех прочих»

Впрочем, на своём суде Жанна отказалась принести присягу в том, что будет говорить своим судьям только правду, поэтому врала им много и охотно.

Так, что, может в том письме и совсем другое говорилось. Впрочем, это неважно.

Для нас с вами важно: откуда именно Жанна направила это письмо в Шинон.

А отправила она его из города Фьербуа, что в двадцати километрах от Шинона. Промчавшись за 11 дней шестьсот километров Жанна, как вкопанная, остановилась рядом со своей целью.

Зачем? Будьте уверены, причина была – без веской причины эта мудрая девушка ничего не делала. Пока.

Так, что причины были. Но вот, сколько их было и каких?

Одна из этих причин нам известна. Это аббатство Сент Катрин де Фьербуа. – аббатство Святой Екатерины, если по русски.

С давних пор существовало поверье, что Святая Екатерина оказывает покровительство военнопленным. Поэтому, те, чьи родственники оказывались в плену, заказывали молебны именно в этом аббатстве. А, освобождённые из плена воины, считали, что их освобождение произошло благодаря заступничеству Святой Екатерины и, в качестве благодарности, приносили в дар Святой Екатерине (читай: аббатству) оружие и доспехи.

Всё это делало аббатство в Фьербуа довольно доходным и, неплохо вооружённым местом.

Вот там Жанна и разбивает на несколько дней свой последний перед встречей с дофином, походный лагерь.

Не в городе разбивает, а в самом аббатстве. Опять в мужском, кстати говоря.

Позднее мы с вами ещё вернёмся туда и увидим, что эти два дня Жанна потратила не зря.

Но кроме посещения аббатства у Жанны есть ещё одна причина задержаться в Фьербуа.

И вот, что это за причина мы не знаем и никогда, очевидно не узнаем.

А с чего я собственно решил, что такая причина вообще существовала? – спросите вы.

А вот с чего. Дело в том, что и в городе и в аббатстве Жанна появилась в сопровождении только двух своих спутников.

Куда она отправила остальных? Зачем? Что и где они делали эти несколько дней? Это остаётся тайной.

Может это как то связано со следующей загадкой: а когда именно Жанна прибыла таки в Шинон?

Уже упомянутые выше, Бертран Пуланжи и Жанн из Меца, опрошенные отдельно друг от друга, постоянно называют дату прибытия Жанны в Шинон

23 февраля, и сама Жанна называла на суде эту дату а вот Хроники царствования Карла Седьмого и записки его секретаря Алена Шартье указывают, что Жанна появилась в Шенноне только 6 марта.

9 дней разницы!

Что это? Обычная накладка, чья-то ошибка в датировке? Память кого-то из действующих лиц подвела или переписчик ошибся?

Или Жанне и её тогдашним телохранителям, даже перед смертью хочется скрыть, что и где они делали в эти девять дней между 23 февраля и 6 марта 1429 года?

Не знаю. Но, как бы то ни было, а перед самым Шиноном отряд Жанны вдруг рассыпается по округе, чтобы вновь собраться вместе когда Жанна, по известным только ей признакам определяет: время встречи с дофином пришло. И она едет в Шинон.

23 ли февраля или 6 марта, но Жанна во главе своего небольшого, но уже спаянного совместными испытаниями и опасностями, отряда прибывает ко двору.

Сама Жанна, позднее, рассказала, что приехала в Шинон около полудня и уже вечером была принята при дворе.

Глава 2. При дворе

Чтобы при виде этого словосочетания «При дворе» у вас не возникло в воображении нечто вроде Версаля времён Людовика Четырнадцатого, полагаю стоит немного рассказать, что же это был за «двор».

По сути дела это был кочевой табор. В постоянном страхе, ежедневно ожидая вторжения англичан или бургундцев, дофин Карл всё время перемещался по своим землям из замка в замок. Зимой он откочёвывал на юг, а когда становилось теплее – переезжал ближе к Луаре.

Как половцы, право слово!

Вот в этом году он выбрал для своего летнего «кочевья» Шинон. Ну и придворные, разумеется, вслед за ним.

Тоскливая безнадёга и ожидание близкого конца, всегда царящие в этом дворе, в последний год, после того как англичане, начав новое наступление, захватили все города по течению Луары за исключением Орлеана, стали чуть ли не физически ощутимыми.

Поэтому двор, и раньше не блиставший строгостью нравов и благочестием, теперь погрузился в нескончаемые оргии и вакханалии.

Пьянство, азартные игры, самый грубый и самый утончённый разврат вот, что творилось при дворе дофина Карла круглосуточно.

Придворные, даже очень знатные, не гнушались выезжать на самый банальный грабёж округи, когда у них заканчивались деньги. Они бы, конечно, и казну грабили, но вот в казне-то пусто было.

Дофин, не имеющий возможности, разумеется, выходить на большую дорогу жил в нищете.

Даже колыбель для своего первенца он был вынужден брать в долг.

А буквально накануне приезда Жанны произошёл и вовсе случай ни на, что в истории Франции более не похожий. Сапожник отобрал у короля сапоги! За долги. Ну ладно, не у короля – у дофина. Но всё же.

История нам сохранила имя наглого и отважного сапожника – мэтр Жак. Этот Жак сшил королю сапоги. Ждал-ждал оплаты, а её нет. Тогда он, заявился в замок, почтительно поклонился Карлу, забрал сапоги, завернул их в рогожу, ещё раз почтительно поклонился и ушёл.

Так, что Жанну дофин Карл встречал в сапогах, которые дал ему поносить архиепископ Реймский Реньо де Шартр.

Прямо скажем, что со стороны архиепископа было очень благородным поступком – дать Карлу поносить сапоги. Ведь ещё совсем недавно Карлу пришлось выкупать архиепископа из плена.

Нет – нет, в плен почтенного клирика захватили не англичане и не бургундцы. Свои!

Артур де Ришмон – коннетабль Франции (это нечто вроде министра обороны) взял да и приказал схватить архиепископа и бросил его к себе в темницу.

Наверно деньги не поделили. Де Шартр он же не только архиепископ Реймский был но ещё и канцлер Франции. Вот в этой должности он, где то перешёл дорожку коннетаблю и оказался в темнице.

И дофин Карл был вынужден выкупать своего канцлера у своего же коннетабля. А сам коннетабль Артур де Ришмон, после этого стал фактическим правителем того, что осталось от Франции.

Но, ненадолго.

В том змеином клубке, что представлял собой тогда французский двор, расслабляться нельзя было ни на минуту. Де Ришмон имел неосторожность позволить себе это, и возмездие не заставило себя ждать. Пришло оно опять же от своих.

Он, Артур де Ришмон, приблизил к себе некоего Жоржа ла Треймуля. Ну, а тот, осмотревшись и освоившись, втёрся в доверие к дофину и к архиепископу. Потом, эта троица, совместными усилиями низвергла всемогущего коннетабля и отправила его в изгнание.

Коннетаблем стал Жорж ла Треймуль.

Правда эта победа не обошлась без потерь. Вместе с низвергнутым коннетаблем ушли и его воины, а это полторы тысячи закалённых в боях рубак. Так, что дофин лишился воинов как после хорошей битвы.

Чуть позднее, всего через пару месяцев, когда Жанна, овеянная славой орлеанской победы, будет обладать огромной властью, она вернёт Артура де Ришмона вместе с его отрядом и приблизит бывшего коннетабля к себе.

Это, разумеется, не добавило любви к Жанне среди приближённых дофина.

Ну а, что же сам дофин? Что представлял собой этот человек?

В момент встречи с Жанной Карлу было 26 лет. Это был очень хилый человек с неуверенной крадущейся походкой и затравленным, бегающим взглядом.

Двенадцатый ребёнок сумасшедшего отца и распутной матери Карл был неуверен даже в законности своего рождения не то, что в законности своих притязания на французский престол.

Всё это сформировало характер молодого дофина. Карл был скрытен, лжив, коварен, недоверчив. Таким он и останется до самой смерти.

Дофин был очень хорошо образован. Великолепно знал несколько иностранных языков, историю и географию.

Вот только, в тот момент, меньше всего Франции был нужен историк и географ на престоле. Нужен был воин, а вот именно воином то Карл и не был.

Вот к такому двору и к такому повелителю и прибыла Жанна в начале 1429 года.

В истории есть традиционное представление о первой встрече Жанны с дофином. Сцена эта настолько яркая и красивая, что перекочевала без малейших изменений со страниц исторических трудов на страницы художественной литературы и на киноэкраны. И, право слово, она того стоит конечно.

Напомним её вкратце.

Для встречи Жанны, в залитом светом факелов и свечей тронном зале Шинона, собрались все придворные числом несколько сотен человек. Сам же дофин, желая испытать Деву, укрылся среди толпы придворных. На трон посадили подставную фигуру.

Жанна, войдя в зал, ничуть не смутилась видом роскошно одетой, знатной толпы и сразу определила, что сидящий на троне человек – не дофин.

На предложение – найти дофина самостоятельно Жанна, поискав глазами среди придворных, уверено указала на Карла. Чем привела в восторг смешанный со страхом, как самого Карла, так и придворных.

Это всё очень впечатляет. Но так ли это было на самом деле?

Знаете, известно такое явление: описывая какое-либо великое историческое событие постфактум, люди, видя всю грандиозность произошедшего и не менее грандиозные последствия, невольно начинают думать, что и у своих истоков это событие было тоже величественным и прекрасным.

Действительно, ведь трудно же представить, глядя на Волгу, что зародилась она из нескольких ручейков.

Поэтому, вольно или невольно, но летописцы начинают приукрашать и возвеличивать истоки великих событий, делая их достойными великих последствий.

Так, например, значительные исторические личности, под рукой хронистов, начинают блистать умом, силой и благородством или наоборот, жестокостью, подлостью и коварством прямо таки с раннего детства.

А несколько незначительных стычек, внезапно для всех участников, переросших в грандиозную войну, превращаются в хитрый, тщательно продуманный план злых сил «мировой закулисы».

Ну, а мы с вами, памятуя о том, что Волга, всё таки, вытекает из нескольких ручейков, а не из Миссисипи давайте попробуем посмотреть внимательней на то, что говорят различные источники про первую встречу Жаны с дофином. Благо этих источников, как уже выше говорилось, очень много.

Нас интересуют пока только те, в которых описана первая встреча Жанны с дофином

Если, из таких источников, взять только документы первой половины 15 века, то есть написанные или очевидцами или, по меньшей мере, современниками деяний Жанны, то таких мы насчитаем шесть.

Это «Хроника царствования Карла Седьмого», «Орлеанская хроника», «Хроника Девы» и «Чёрная книга» (последний источник целиком не сохранился и дошёл до нас только в, сделанных для личного использования, выписках секретаря парижской мэрии, правда тоже современника тех событий), показания Рауля де Гокура – камергера двора дофина и показания Реньо Тьерри королевского медика

Из этих шести источников, четыре первых написаны людьми, хотя и современниками событий, но при встрече Жанны с дофином не присутствовавшими.

А вот двое последних: камергер и медик лично были сами на первой встрече Жанны и Карла и видели всё своими глазами.

Четыре первых источника описывают в разных подробностях традиционный вариант.

(правда, тут несколько особняком стоит вариант «Чёрной книги», но сей источник вообще отличается крайне нестандартным описанием Жанны. Ведь написан он был в Париже. А там, у Жанны, при её жизни, сторонников и поклонников не было. Мы ещё вернёмся к описанию Жанны в «Чёрной книге», а здесь скажем, что в её варианте дело было так: Жанна просит показать ей дофина. Ей дважды выводят подставное лицо и, дважды Жанна отвергает его. На третий раз вывели дофина и Жанна сразу же его узнала)

А вот лично присутствовавшие при встрече камергер и медик дают нам совсем иную картину.

Их показания, как и у всех кто был настоящим свидетелем какого ни будь события и не желает ничего приукрашивать, очень кратки. Поэтому приведём их полностью

Камергер Рауль де Гокур:

«Я находился в Шиноне, когда она прибыла туда и видел как она предстала перед его королевским величеством и советом. Я видел и слышал её слова „Светлейший сеньор дофин, меня послал бог, дабы помочь вам и вашему королевству“. Увидев и выслушав её, король, чтобы лучше быть осведомлённым о том, кто она такая, распорядился передать её под надзор Гильома Белье, своего дворецкого, бальи Труа и моего заместника в Шиноне, чья супруга была известна своим благочестием. Затем он повелел, чтобы Жанну обследовали клирики, прелаты и доктора, дабы выяснить, должно ли и можно ли верить тому, что она говорит»

Медик Реньо Тьерри:

«Я видел Жанну, когда она предстала перед королём в Шиноне, и слышал, как она сказала, что её послал бог к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и повести короля в Реймс для коронации и миропомазания»

Вот и всё. Куда-то исчезает и тронный зал, забитый придворной знатью, и дофин, прячущийся среди толпы.

А появляется просто деловое заседание Королевского Совета, в котором всего-то на всего десяток человек. И дофин никуда не прячется, да и Жанне, чтобы опознать Карла среди десятка седовласых советников, совсем не требуется ни особая проницательность ни помощь свыше. Это конечно, если бы вообще, вопреки всякому этикету, Жанну не представили дофину, чем сразу же ясно указали самой Жанне на то, кто здесь кто. А её, надо полагать, всё же представили.

Так, что – всё было, как видим, намного скучнее, деловитее и проще.

Да и действительно, мыслимое ли дело, чтобы дофин, теряя остатки своего авторитета среди придворных, вдруг стал бы трусливо прятаться от какой то девчонки?

Зачем это ему? Устроить испытание Жанне? Дескать – если её и правда бог послал, то она конечно укажет на короля где бы он не скрылся.

Но ведь, решишь Карл и впрямь на такое, это было бы испытание не столько Жанне сколько самому Карлу.

А ну как Жанна ошибётся и впрямь примет подставку за дофина. Что скажут окружающие?

Что это подставная Дева, мошенница и проходимка, раз не смогла различить настоящего короля?

А может они скажут совсем наоборот?

Скажут, что король не настоящий и действительно не имеет никаких прав на престол, раз даже Дева не указала на него как на короля.

Думаете, не сказали бы так? Ого, ещё как бы сказали. И нашлось бы кому про этот случай на всю Францию раструбить.

Ибо и законнорожденность дофина была у современников под большим вопросом, и права Карла Валуа на французский престол и впрямь ведь были меньшие, чем у английского короля, чего уж там. А тут ещё и Дева Карла прилюдно королём бы не признала!

Ну и зачем это всё Карлу было бы надо? Не зачем. Этого и не было. А было вот, что.

Карл принял Жанну там, где и должно принимать подобных гостей, на заседании Королевского Совета. Он никуда не прятался и не пытался вводить Жанну в заблуждение.

Состоялся короткий, как и положено при первой аудиенции, разговор, после которого аудиенция была окончена и дофин распорядился начать расследование данного дела.

Скучновато, зато правдиво.

Постойте! Мы совсем забыли ещё про одного свидетеля. Да про какого! Про саму Жанну! Ведь она же тоже рассказывала на суде о своей первой встрече с дофином.

Ну и как же там было дело, со слов Жанны?

«Когда я вошла в комнату, где находился король, то сказала ему, что хотела бы пойти на войну с англичанами»

Всё!

На вопрос, как же она узнала короля, Жанна ответила так, как обычно отвечала на вопросы суда.

«Я не помню»

Вот это всё, что сама Жанна рассказала о своей встрече с дофином в Шенноне. И никогда ничего большего кому бы то ни было, она про те события не рассказывала.

Тогда откуда же взяли информацию авторы наших первых четырёх источников? Выдумали сами или друг у друга переписали?

Разумеется, нет. Все они пользовались множеством, абсолютно независимых друг от друга источников информации.

Вот только... Жанна то уже при жизни стала легендой. И рассказы о её деяниях облетали всю Францию со скоростью необыкновенной. Разумеется, обрастая по дороге различными красочными подробностями и легендами. Нет сомнений, что тут же появились тысячи «свидетелей» якобы видевших всё своими глазами и слышавших всё своими ушами.

Например, в «Чёрную книгу» рассказ о встрече Жанны с дофином был внесён со слов нескольких таких «свидетелей», которые всё это, разумеется, сами видели.

А знаете, где они это рассказывали? В Нормандии! Это самый север Франции, побережье Ла-Манша.

А знаете, когда они это рассказывали? В марте 1429 года! Жанна ещё даже до Орлеана не дошла. Ещё и не сделала ничего. А красочные рассказы о ней уже по всей Франции ходят.

И падают, как мы это уже знаем, на очень хорошо подготовленную почву.

И скоро вся Франция, англичане, французы, бургундцы, друзья и враги узнают – Дева уже не просто легенда. Пророчество Мерлина свершилось! Дева на белом коне пришла спасти Францию!

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ: О пророчествах и Деве на белом коне

«Разве вы не слышали пророчество, что Франция будет погублена женщиной и возрождена Девой из пределов Лотарингии?» так сказала мне Жаннетта и я вспомнила это и было поражена. После этого я и многие другие поверили в неё»

Так вспоминает Екатерина Ле Рое свой разговор с Жанной.

«Разве не было предсказано, что Франция будет погублена женщиной и возрождена Девой?» спрашивает Жанна у Бодекюра

«Разве вы не слышали пророчества...» многие свидетели вспоминают, что во время первой встречи с ними Жанна именно этими словами начинает беседу с ними.

Да, слышали-слышали!

К тому времени это пророчество уже все прекрасно слышали. И Жанна знает, что они это слышали. Так, что она бьёт точно в цель.

Действительно, за несколько лет до появления Жанны на окровавленной сцене Столетней войны, пророчество «Женщина погубила – Дева спасёт» начинает из уст в уста ходить по всей Франции.

Кроме того варианта пророчества, который всем напоминает Жанна, ходило ещё несколько.

В одном из вариантов это пророчество звучит так:

«Се Дева грядёт по спинам лучников»

Есть такой вариант:

«Дева выйдет из дубового леса и проскачет на белом коне по спинам лучников»

Как видим, пророчество, как и подобает пророчеству несколько туманно, но вот враг Девы указан максимально ясно – лучники, основная боевая сила английской армии.

Пророчество это приписывают не христианскому святому или, хотя бы какому нибудь святому отшельнику, а колдуну.

Колдуна того звали – Мерлин, жил он, по легендам, в 4—5 веках в Шотландии.

Но Мерлин, этот персонаж бесчисленных героических баллад (вы ведь тоже, что то про него слышали?), герой фольклорный, он для простонародья больше.

А надо же, чтобы все слои населения услышали пророчество, прониклись им и поверили в него

Поэтому, среди интеллектуалов тогдашней Франции пророчество ходит за более авторитетным для них авторством Беда Достопочтенного, англо-саксонского философа и провидца жившего в конце седьмого века. (правда известно, что в некоторых случаях оно пророчество приписывалось вообще Сивилле – это античная предсказательница)

В таком варианте пророчество звучит несколько по-другому. Более интеллектуально, что ли

«Из дубового леса выйдет Дева и принесёт бальзам для ран. Она возьмёт крепости и своим дыханием иссушит источники зла. Она прольёт слёзы жалости и острова наполнятся ужасным криком. Она будет убита оленем с десятью рогами, четыре из которых будут нести золотые короны, а шесть других превратятся в рога буйвола и произведут небывалый шум на Британских островах. Тогда придёт в движение Датский лес и вскрикнет человеческим голосом «Приди Камбрия и присоедини к себе Корнуэлл»

Хорошо написано, не правда ли? Для пророчества конечно.

Всё так грозно и туманно, но в то же время и про Деву и про Британские острова которые из-за Девы наполняются ужасным криком сказано вполне определенно, без всяких туманов. Так, что всё, что надо – есть.

Даже, кажется, больше чем надо. В последнем предложении там упоминается некая Камбрия. По понятиям тех времён – это местность откуда франки пришли в Галлию (теперешнюю Францию). Ну, а Корнуэлл это Англия.

Так, что здесь ещё и призыв к захвату Англии имеется. Очень уместный, когда англичане в Париже и под Орлеаном.

Пророчества эти тем быстрее ходили из уст в уста и тем сильнее ложились французам на душу, чем хуже у них были дела. К моменту появления Жанны дела, как раз, шли хуже некуда.

Наверно поэтому спасителем Франции в пророчестве выступает не мужчина – рыцарь, а простая девушка. Кто-то очень хорошо учёл глубокое разочарование французов в своих мужчинах-защитниках. В то, что мужчина спасёт Францию, уже не поверила бы ни одна живая душа, сколько не запускай пророчеств.

К тому же все были уверены, что спасти Францию может только чудо. Народ жаждал этого чуда и поверить в чудо мог только в том случае если совершать его будет персонаж воистину чудесный – обычная девушка с необычными способностями.

Англичанам, конечно, эти пророчества тоже были прекрасно известны. И, разумеется, весьма их смущали и тревожили. Англичане то ведь тоже были такие же средневековые люди, как и французы, а значит, более чем охотно верили всяким предсказаниям.

Тем более – предсказаниям своего достопочтенного земляка Мерлина. Легко представить, что начало творится в британских умах и сердцах, когда они узнали – Дева из Пророчества явилась во плоти!

Забегая вперёд, скажу, когда Жанна, уже во главе армии, будет идти на Орлеан, за сутки до её появления под стенами города, чья-то заботливая рука приколет бумагу с пророчеством Мерлина на стену комнаты одного из старших английских командиров сэра Вильяма Глосдейла. А то вдруг он забыл?

А ведь Дева на белом коне уже однажды спасала Францию. И не только спасала, но и, в известной степени, создавала эту страну.

Для того, чтобы посмотреть как было дело нам с вами придётся перенестись в 5 век в Париж. Вернее не в Париж, а в галльский город, названный римлянами – Лютетия (в переводе с латыни на русский – «Грязный» или «Помойка») которому вот-вот предстояло стать Парижем.

Здесь и мы увидим Деву спасающую город. Её звали Женевьева.

Она родилась в 422 году, неподалёку от Лютетии, в семье христиан. А, надо сказать, что тогда в Галлии (будущей Франции) христианство не так, чтоб уж очень сильно распространено было. И быть христианином было не очень-то безопасно. Могли убить именно за то, что христианин.

Поэтому христианами там становились действительно люди всей душой уверовавшие в Христа. Родители Женевьевы именно такими и были. А дочь у них выросла ещё более беззаветно преданная христианскому учению, чем они сами.

Если отбросить всё то чудесное и сверхъестественное, что нагородили про Женевьеву в её же Житие и подойти к вопросу материалистически, то мы вот, что увидим.

Пламенная, фанатичная девочка, которую, по обычаю тех времён, креститься научили раньше чем пользоваться ложкой, достигнув 14 лет, то есть обычного (и даже несколько позднего) для тех времён возраста вступления в брак, предпочитает стать «невестой Христовой». То есть монахиней. В то время, хотя монастыри и существовали уже в Галлии, большинство монахинь и монахов жили именно в миру, проповедью и личным примером показывая окружающим пример правильной жизни.

До времён славного отца Горанфло, который, как мы знаем, тоже предпочитал монашествовать за стенами монастыря, было ещё очень далеко, поэтому монашество действительно могло служить примером окружающим.

Вскоре Женевьева осиротела. Её родителей унесла какая-то эпидемия. Обычайшее дело в Средние века.

Девушка переселяется в Лютетию к своей крестной матери. И тут её настигает тяжёлая болезнь. То ли эпидемия из родных мест её догнала, то ли уже в Лютетии Женевьева, что-то новое подхватила, но, как бы то ни было, а слегла.

Причём заболела так тяжело, что окружающие уже решили, что она – не жилец. Однако Женевьева поправилась.

А, поправившись, стала всем рассказывать, что от смерти её спасли ангелы. Которые, заодно, и устроили ей экскурсию по Раю.

Всё это Женевьева рассказывала окружающим в самых красочных подробностях.

Эти рассказы, а так же праведная жизнь и длительные молитвы вызвали у жителей Лютетии не благоговейные, а самые отрицательные чувства.

Женевьеву называли лгуней, притворщицей и лицемеркой.

Очевидно тогдашним парижанам, верней лютетианам, было про Женевьеву известно, что-то такое, что до нас Хроники и Жития постеснялись донести.

Однако епископ Галлии – Герман (впоследствии причисленный к лику святых), услышав о Женеьеве, решил, что в столь тёмном для христианства месте, которое являла собой тогдашняя Галлия, такая девушка просто Дар Божий.

И, с его благословения, церковь приступает, как бы мы сейчас сказали, к «раскрутке» Женеьевы.

Епископ лично прибывает в Лютецию, встречается с Женеьевой, причём оказывает ей при встрече необыкновенное почтение.

А во всех галльских церквях священники провозглашают, что всё виденное Женеьевой в болезненной горячке – святая и истинная правда, а сама Женеьева – Избранница Господня.

После такого, отношение к Женеьеве, особенно среди женской части населения, резко меняется в положительную сторону. Все и правда уверовали, что эта девушка побывала в раю и беседовала с ангелами.

Но, самое главное, теперь и Женеьева окончательно уверовала в правдивость своих видений.

Вскоре эта вера подверглась очень серьёзному испытанию. В Галлию вторглись орды Атиллы.

Круша, убивая и сжигая всё на своём пути, они рвались к Орлеану. На пути у них стояла Лютеция.

Опасность была столь очевидна и страшна, а сопротивление казалось столь бессмысленным, что городские вожди на совете решили бросить Лютецию и бежать всем городом в отдалённые места.

И тут на заседание совета ворвалась Женеьева. Она принялась уговаривать – не бежать и не сдавать город. Говорила, что глас Божий поведал ей, о том, что если жители не бросят город, а решат драться, то он, Господь, отведёт от Лютеции беду.

А если, дескать, горожане голосов Женеьевы не послушают и начнут эвакуацию, то Лютеция то всё равно уцелеет (раз Господь так решил, то это не обсуждается), а вот все бежавшие погибнут по дороге.

Всё это звучало так дико и нелепо, что в обычное время могло бы насмешить, а в той обстановке страшной опасности вызвало гнев.

Женеьеву решили казнить, чтобы от дел не отвлекала. Девушку выволокли во двор, обнажили мечи, но тут в события вмешался священник Седулиус.

Потрясая крестом он кричал, чтобы никто не смел трогать божью избранницу. Смущённые этим зрелищем Отцы города отпустили Женеьеву, но от планов бросить город и бежать куда подальше, не отказались.

А Женеьева не отказалась от своих.

Сев на белого коня девушка стала объезжать городские улочки, будоража население и призывая его к борьбе.

Сразу и горячо откликнулась на её призыв женская часть Лютеции. И все женщины города насели на своих мужей с требованием идти на стены и драться.

Очевидно, это было страшной Атиллы, потому, что мужики дрогнули и предпочли иметь дело с разъярёнными гуннами, чем с разъярёнными бабами.

Вообщем, проклиная всё на свете, мужики изготовился к обороне. Причём им всем было, вполне очевидно, что эта оборона продлится в лучшем случае полчаса и ничем хорошим не завершится.

Атилла подошёл к городу.

Соотношение сил было таким: примерно одна тысяча со стороны обороняющихся и пара сотен тысяч со стороны гуннов.

Положение обороняющихся несколько улучшал тот факт, что весь тогдашний Париж полностью умещался на одном острове. В окружении реки защищаться, конечно, легче. Но даже и при этом, дело явно шло к тому, что сейчас гунны Лютецию попросту затопчат, причём большинство её даже и не заметит.

Чтобы напомнить Богу об его обещании Женестьева начала страстно молиться и призвала к этому делу всех не занятых на стенах жителей города.

Впрочем, и без её призывов молебны шли во всех парижских церквях.

И, вы не поверите, чудо всё-таки свершилось!

Постояв полдня под стенами Лютеции, гунны вдруг снялись и двинулись на юг в обход города.

Город был спасён!

Ясно дело, что у такого поведения Атиллы есть вполне материалистическая причина. Вот она: в лагерь гуннов пришли посланцы от вождя аланских племён Сангибана, что имел владения около Орлеана. (Да-да, город будущей славы Жанны тогда уже существовал)

Сангибан обещал Атилле сдать Орлеан, но просил поторопиться. Дескать, городские власти, что-то подозревают и могут помешать Сангибану сдать город Атилле без боя.

Так как Атилле вот эта вот островная помойка, вполне заслуженно носившая в те времена имя Лютеции, в принципе, даром была не нужна, а нужен ему был как раз Орлеан с его мостами через широкую и глубоководную Луару, то он быстренько поднял орду и двинулся на юг.

Так это было.

Но жители Лютеции то всего этого не знали! Для них было явно одно – чудо, обещанное Женестьевой свершилось! Дева на белом коне спасла город!

После этого Женестьеву при жизни принялись почитать как святую.

А ведь это ещё не конец истории про Деву спасшую страну, а самое её начало.

Прошло тридцать лет. Молодой король франков (так называлось объединение германских племён вторгшихся в Галлию и захвативших её северную часть) по имени Хлодвиг решил окончательно овладеть Галлией, выбив оттуда остатки римлян.

В 486 году его войска подступают под стены Парижа. Собственно Парижем его как раз франки и назвали. Жили там в основном паризии – кельтское племя, но вот по их имени и прозвали франки это место «Город паризиев» или, для краткости, «Париж».

В своё время отец Хлодвига, король Хильдерик несколько лет осаждал Париж, но сумел только взять и разграбить западную окраину этого, уже сильно разросшегося со времён Атиллы города.

Хлодвиг решил овладеть Парижем во, что бы то ни стало. Осада длилась четыре года. И снова Женестьева спасла город.

Однажды, в период особо тяжкого положения с продовольствием в осаждённом городе, Женестьева, каким-то образом, умудрилась лично провести по реке в Париж караван судов с продовольствием.

Нечто похожее совершит позднее Жанна в Орлеане.

Так Женестьева второй раз спасла Париж.

В третий раз она его спасла на четвёртом году осады. Силы парижан были на исходе. Падение города ожидалось со дня на день. А взятие города, как нам известно, и уж тем паче было известно в те времена всем заинтересованным сторонам, непременно сопровождается трёхдневным повальным грабежом, резнёй и насилием.

Женестьева отправилась на переговоры к Хлодвигу и сумела убедить того не разрушать Париж, а принять его капитуляцию на максимально почётных и безболезненных для горожан условиях.

Что и произошло. Хлодвиг не просто пощадил город, он сделал его своей Столицей, что, разумеется, самым благотворным образом сказалось на развитии Парижа.

Хлодвиг же, поселившись в Париже, быстро попал под влияние Женевьевы и, по её настоянию, а так же, под воздействием своей жены-христианки, крестился сам и крестил всю свою дружину.

То есть Хлодвиг сыграл для Франции ту же самую роль, что и для Руси Владимир Святой.

Так Франция стала первой христианской страной в Западной Европе. И вклад в это Женевьевы переоценить невозможно.

До самой своей смерти Женеьева была духовным советником власть имущих и воспитателем народа. Примерно так же, как на Руси Сергей Радонежский.

По смерти Женеьева была причислена к лику святых. Причём она святая не только католической, но и православной церкви. И поныне она считается покровительницей Парижа.

Так, что, как видим, Дева на белом коне, посланница Божья, уже спасала Францию. В мифологической форме знали об этом все французы. И народное сознание перенесло прошлые события в ожидаемое будущее. Так и пошли всё ширясь и распространяясь в народной толще слухи, скоро переросшие в страстные ожидания явления Девы – Спасительницы. Вера в её скорый приход становилась всё истовей и истовей.

И к моменту появления Жанны подробный образ грандиозного спектакля под названием «Дева спасает Францию» уже сложился в умах и французов и, что не менее важно, англичан.

Оставалось ждать исполнительницу главной роли. И вот эта исполнительница, гениальная исполнительница, появилась!

Глава 3. Апостолы святой ведьмы

Пока Франция полнится слухами о явившейся Деве, сама Дева обживает в Шиноне. Она хоть и досадует на задержку в исполнении своих планов, но время зря не теряет. Обзаводится полезными знакомствами и ...молится. Молится много и долго. Публично и у себя в закрытой комнате.

И как молится! Во время молитвы она впадает в странное оцепенение, полностью отключается от внешнего мира, бледнеет как покойница, непрерывно еле слышно шепчет молитвы, а из глаз катятся слёзы.

Степень погружения Жанны в молитву хорошо характеризует такой случай. Однажды паж по имени Луи де Конт, приставленный Карлом для услуг к Жанне, принёс ужин к ней в комнату. Он увидел, что Дева стоит на коленях перед распятым и молится, отключившись по своему обыкновению от всего окружающего.

Со слов пажа, Жанна была в этот момент белая как мраморная статуя и такая же неподвижная, только губы слегка шевелились.

Испуганный паж несколько раз окрикнул Жанну. Та не отреагировала. Тогда Луи де Конт подошёл к ней и сильно ушибнул несколько раз.

Только после этого паж с облегчением увидел что, щёки Жанны порозовели, сама она очнулась и стала осматриваться, как после глубоко сна.

Ужин, принесённый пажом, оказался ей сильно роскошным. Жанна съела только одну сушёную сливу, один варёный рыбий хвост, кусок хлеба и выпила кружку простой чистой воды.

Остальную еду она велела вынести на улицу и раздать бедным.

И так Жанна поступает постоянно. Она вообще ест очень мало и пьёт только воду, иногда чуть – чуть разведённую вином. То есть – виноградный сок.

Чревоугодие не входит в число её пороков.

Слухи о таком благочестии и молитвенном прилежании только укрепляют веру в то, что Жанна и есть так долго ожидаемая Дева-Спасительница.

В Шинон начинают толпами стекаться паломники, желая хоть краем глаза увидеть эту чудесную девушку.

Но при всём при этом в Шиноне нашлись люди, которые продолжали не верить Жанне и относятся к ней с плохо скрываемой неприязнью.

Это видный член Королевского Совета уже знакомый нам коннетабль Франции Ла Тремуиль. Фактический правитель «Буржского королевства».

Против Жанны он борется потому, что... боится её.

Боится всё более и более возрастающего влияния этой девушки на дофина. Ревнует, видя как всё больше и больше придворных, почувствовав в Жанне восходящую звезду двора, ищут с ней встречи, заискивают перед ней, выпрашивая милостивой улыбки или, хотя бы благосклонного взгляда Девы.

И Ла Тремуиль постоянно выступает на Королевском Совете против того, чтобы доверить Жанне войско.

Он вообще поставил под сомнение даже пол Жанны. Коннетабль утверждает, что все женщины болтливы, а Жанна говорит очень мало и лаконично. Значит она не женщина, уверяет этот знаток женской психологии.

Столкнувшись с таким заявлением члены Совета решают: уж, что – что, а вопросы пола и девственности они могут выяснить и своими силами. Без помощи мудрых богословов.

С этой целью назначен осмотр Жанны опытными и благочестивыми женщинами.

9 марта Жанну осматривают акушерка мадам де Гокур и жена герцога Левансона – мадам де Левансон

Как сказано в протоколе осмотра, оные дамы:

«...видели всё, что в таких случаях нужно видеть и установили, что ни пол ни девственность Жанны Девы сомнению не подлежат...»

А Жанна тем временем продолжает изумлять окружающих. Она демонстрирует немалую осведомлённость в науках того времени.

Современник вспоминает

«У всех создалось впечатление, что эта девушка воспитывалась не в полях, а в тесной связи с науками»

Жанна демонстрирует и прекрасное владение конём и оружием. Она уверенно побеждает в рыцарском состязании «Кольцо». Суть состязания в том, чтобы на полном скаку, тяжёлым рыцарским копьём поддеть и снять со столба небольшое кольцо. Даже у рыцарей не всегда это получалось – Жанна снимает кольцо с первого раза!

Тогда же Жанна обзаводится и высокородными сподвижниками.

Первым из них был герцог Жан Алансонский.

На момент своего знакомства с Жанной герцогу всего двадцать лет. Но пережил, повидал и перестрадал он уже немало.

Его отец пал в битве при Азенкуре, когда Жану было всего шесть лет. Тогда он унаследовал отцовский титул герцога Алансонского и отцовскую ненависть к Англии

В 1424 году, когда Алансону было всего пятнадцать лет, он уже бился с англичанами в сражении при Вернёе.

Там он попал в плен и содержался заточённый в башню одного из замков целых пять лет, вплоть до 1429 года, когда за него, наконец, заплатили огромный выкуп.

Этот выкуп принёс Алансону свободу, но совершенно его разорил. Придворные шутники, состязаясь в остроумии, даже спорили, кто во Франции самый бедный: герцог Алансонский или дофин Карл?

Позднее Алансон оставит воспоминание о Жанне. Их знакомство описано так. Алансон, как раз вернулся из плена и приехал ко двору дофина, где был представлен Жанне.

Та улыбнулась, слегка поклонилась, величественным жестом протянула герцогу руку для поцелуя и сказала:

«Добро пожаловать, господин герцог. Чем больше рыцарей королевской крови соберётся, тем лучше»

Как вспоминает очевидец, выглядело всё это так:

«...как будто королева принимает своего подданного, которому она оказывает благоволение...»

Наверно таким манерам учат пастушек в лотарингских деревнях, вот Жанна и научилась.

С этого мгновения Алансон целиком и полностью попал под чары Жанны и находился в их плену до самой своей смерти.

Да. Правы были видевшие Жанну, когда повторяли много лет спустя: «Что-то в этой девушке было»

Теперь Алансон целые дни проводит рядом с Жанной. Она относится к нему благо-склонно и называет всегда *«мой прекрасный герцог»*

Алансон везёт Жанну в родовый замок Сен-Флоран, где представляет её своей матери и жене.

Увидев, что мать очень переживает за судьбу сына, только-только вернувшегося из долгого плена и тут же собравшегося в новый поход, Жанна говорит герцогине:

«Не бойтесь, мадам, я привезу его к Вам в том же виде, как он сейчас стоит перед Вами, а может быть, и ещё здоровее»

После этих слов герцогиня Алансонская, особа королевской крови, опускается перед Жанной на колени и осыпает её руки поцелуями.

Алансон вспоминает, что Жанна приняла это:

«Просто и величественно. Как должное и привычное.»

Такие были тогда во Франции пастушки. Хотите, верьте. А хотите, нет.

После смерти Жанны, Алансон оставил королевскую армию и начал свою частную войну с англичанами в Нормандии.

В 1439 году во Франции вспыхивает восстание протестантов против короля, получившее название «Прагерия». Его так называли в честь чешской столицы Прага, где тогда, как раз бушевали протестантские гуситские войны.

Среди восставших мы видим и Алансона. Каким-то образом он стал протестантом.

Восстание было быстро разгромлено, а его участники прощены. Но злобу на них король Карл Седьмой всё же затаил. И ждал шестнадцать лет, чтобы отомстить. В 1456 году начались аресты бывших участников Прагерии. Так Алансон оказался в тюрьме.

Его сначала приговорили к смерти, но потом заменили казнь тюремным заточением.

В тюрьме Алансон провёл двадцать лет и скончался в 1476 году.

Ну, а мы давайте-ка вернёмся в Шинон 1429 года. Там у Жанны появляется ещё один апостол. Это Жиль де Ре. Наверно самая яркая фигура в окружении Девы.

И, право слово, Жиль де Ре стоит того, чтобы остановиться на нём чуть подробнее. Дело в том, что Жиль де Ре – самый страшный маньяк – убийца в истории человечества. Именно он – знаменитый «Синяя борода»

К моменту встречи с Жанной Жиль де Ре 25 лет. Он один из богатейших людей при дворе дофина. Лучший фехтовальщик и наездник Франции. И самый красивый её рыцарь.

С такими то данными Жиль де Ре мог вести жизнь полную разнообразных удовольствий. Но он чурается их. Не участвуют в пирах, охотах и оргиях. Сторонится женщин и вполне верен своей молодой супруге Катрин де Туар. Кстати – его двоюродной сестре.

Вообщем внешне Жиль де Ре ведёт жизнь чистую и непорочную.

Но недаром одно из направлений в Криминалистике говорит, что людей ведущих непорочный образ жизни надо опасаться. И держаться от них подальше.

Если человек не пьёт, не развратничает и т.п, то есть не имеет обычных и, вообщем то привычных и прощительных пороков, то какие же тогда пороки скрывает он? Ведь не святой же он, в самом деле?

Конечно, нет. Нету безгрешных, весь вопрос в том: какие у кого грехи.

Так, что, скорее всего чёрные демоны царят в душе человека ведущего внешне благочестивый образ жизни.

И вы, люди, таких святош бойтесь!

Вот и Жиль де Ре был таков. Вместо участия в пьяных разгульных оргиях, он целыми днями проводил за чтением древних манускриптов, изучая их со страстью учёного-монаха. Сам писал и очень неплохо рисовал миниатюры.

Он регулярно исповедовался, но почему-то не при дворе в Шиноне, а каждый раз выбирая разные города и разных священников. Так, что не было ни одного священника который мог бы сказать, что исповедовал Жилия дважды.

Он посещал мессы, но только в том случае, если ожидалось красивое пение хора. Кажется, он рассматривал церковное богослужение как вид оперы и не желал принимать в нём участие, если «труппа» его не устраивала.

При первой же встрече с Жанной он почувствовал, как и многие другие, что «В этой девушке, что-то есть». И это, «что-то» околдовало и пленило его.

Однажды он бросился перед ней на колени и страстно сказал:

«Дева Жанна, я верю, что ты разговариваешь с духами и слышишь их голоса, к которым глухи мои уши. Прелей же на меня недостойного сияние своей благодати, ибо я готов отдать всё моё богатство, чтобы получить то, что даётся тебе без труда»

Жанна строго приказала ему встать и отныне преклонять колени только во время молитвы. А потом сказала:

«Ах, если бы больше было таких же уверовавших как ты, сколь быстрее пошли бы наши дела»

И Жиль де Ре уверовал! Уверовал в Жанну так, как, наверно, никогда не верил в Бога. Трудно во всей истории человечества найти такую преданность кому то, какова была преданность Жилия де Ре Жанне.

Он единственный, кто по-настоящему пытался спасти её из плена. И не успел лишь чуть-чуть.

После смерти Жанны Жиль де Ре значительную часть своего состояния потратил на увековечивание и возвеличивание её имени.

Он заказал множество портретов Жанны и развешал их в своём замке. На деньги Жилия де Ре была написана и поставлена знаменитая «Орлеанская мистерия» повествующая о жизни Жанны. И в течении десяти лет, до самого своего ареста Жиль де Ре оплачивал постановки «Орлеанской мистерии» в различных театрах Франции и остальной Европы.

После гибели Жанны Жиль де Ре покидает и королевский двор и королевскую армию. В войне он больше не участвует. Наверно не мог простить Карлу предательство Жанны.

Покинув королевскую службу Жиль де Ре поселился в своём родовом замке Тиффож. Там он живёт как самодержавный король. У него своя армия из двухсот рыцарей. Своя церковь, при которой служат несколько десятков священников.

Он даже ведёт свои частные войны. То, что Франция продолжает воевать с англичанами, маршала Франции Жилия де Ре не смущает и он устраивает внутреннюю войну с соседом, неким де Буэлем.

Стоит ли говорить, что таким поведением Жиль де Ре никак не снискал себе любви народной и уважения при дворе.

Впрочем, это его не интересует. Он со всей страстью углубляется в своё любимое занятие, поиски путей в мир сверхъестественного. Жиль де Ре всё ещё мечтает общаться с духами.

В его замке всё чаще появляются различные маги, алхимики, гадатели.

Получая от хозяина щедрое финансирование, эти мистики ищут для него, то философский камень, то эликсир вечной молодости.

Всё это, разумеется, безрезультатно, но и вообще то, безобидно.

Ужас в замке Тиффож поселяется, когда в 1439 году в нём появляется монах-францисканец Франческо Прелати. Некромант.

Если прежние маги и экстрасенсы, работавшие на Жилья де Ре были всё таки католиками то Прилати в открытую заявляет, что он колдун и имеет в услужении некого демона по имени Баррон. Через этого демона, уверяет Прелати, он общается с миром мёртвых и повелевает им.

Жиль де Ре просит монаха познакомить его с демоном. Не знаю, как это выглядело, но Прелати устраивает сеанс вызова демона Барона.

И Жиль де Ре радостно убеждается – это то, что он искал многие годы.

Вот только демон хочет крови. Человеческой крови. И не любой, а детской.

И в окрестностях замка начинают один за другим пропадать без вести маленькие дети.

29 июля 1440 года супруги Эйсе подают в канцелярию епископа Нантского Жана де Малеструа заявление о пропаже своего десятилетнего сына. С этого дня и начинается распутываться кровавый клубок нескончаемых преступлений, творившихся целый год в замке Жилья де Ре.

Епископ, приступив к следствию, сразу же выясняет, что последний раз мальчика видели входящим в замок Жилья де Ре.

Разумеется, епископ был давно осведомлён о том, что маршал Франции занимается чёрной магией, но как-то закрывал на это глаза.

Странная пропажа мальчика заставила его насторожиться. Он повелел узнать, не происходили ли в этой местности ещё исчезновения детей.

Оказалось, что происходили. Причём всё лежало на поверхности. Менее чем за сутки служащие канцелярии добыли епископу сведения о ещё как минимум девяти случаях исчезновения детей в районе замка Тиффож.

Крайне встревоженный полученной информацией епископ обращается к местному главе инквизиции Жану Блуэну.

Начинается тайный сыск. Люди инквизиции вербуют слуг Жилья де Ре. Информация, полученная от осведомителей, ошеломила даже привыкших ко многому инквизиторов.

Вот, что сообщали тайные агенты

«Жиль де Ре и его сообщники брали невинных мальчиков и девочек и бесчеловечно забивали их, убивали, расчленили, сжигали и подвергали всяким пыткам, а вышеупомянутый Жиль, обвиняемый, приносил тела упомянутых невинных детей дьяволам, призывал и заклинал злых духов и предавался гнусному содомскому греху с маленькими мальчиками и естественно удовлетворял свою похоть с молоденькими девочками, отвергая естественный способ копуляции, когда невинные мальчики и девочки были живы, а иногда и мертвы или даже во время их смертных судорог»

Другой агент сообщал, что:

«Жиль де Ре предлагал руку, глаза и сердце одного из упомянутых детей со своей кровью в хрустальном кубке демону Баррону в знак уважения и поклонения»

13 сентября 1440 года Жиль де Ре был арестован. Чуть позже были арестованы и его сообщники. Ими были несколько главных колдунов, два телохранителя, молодые парни Гриар

и Кориньо и женщина, некая бабка Меффрэ, ответственная за поставку Жилию де Ре детей для его чёрных месс.

Всего было собрано более ста свидетелей преступлений Жилия де Ре. Сам барон долго запырлялся, отказываясь признавать преступления, но под угрозой пытки, наконец заговорил.

Его показания не вполне устроили судей и 22 октября маршал Франции и его колдуны были всё таки подвержены пытке.

После чего Жиль де Ре окончательно раскаялся и признал себя виновным в убийстве 800 детей. Он просил прощения у родственников убитых детей и просил молиться за него.

Однако в средневековой Франции, признание совсем не считалось достаточным доказательством для вынесения приговора.

Поэтому, несмотря на признание Жилия де Ре, суд не счёл возможным вменить ему убийство восьмисот детей, и назвал доказанным только убийство 150 детей.

За это преступление, а так же за занятие чёрной магией, договоры с дьяволом и нечистыми духами Жиль де Ре был приговорён к сожжению на костре. Вместе с ним к такой же казни были приговорены и ближайшие слуги барона.

В приговоре, в частности, сказано:

«они насильовали детей жестоко и противоестественно и совершали с ними грех содомии, они много раз вызывали злых духов, которым приносили клятву верности, они совершали другие ужасные и неопиcуемые преступления, касающиеся церковной юрисдикции»

Суд призывал всех честных католиков молиться за обвиняемых.

Жилия де Ре и его сообщников казнили 26 октября 1440 года в городе Нант. Так как Жиль де Ре раскаялся в своих грехах, перед сожжением его задушили на глазах огромной толпы зрителей.

Тело тоже не сожгли до тла. Ему дали маленько обгореть, затем палач сдёрнул мёртвого маршала с костра.

Родственники Жилия де Ре наотрез отказались осквернять его прахом фамильный склеп. Христианское милосердие проявил Нантский монастырь кармелиток, дав последний покой останкам маршала Франции и преданнейшего соратника Орлеанской Девы – Жилия де Ре.

Жуткая подробность: головы самых красивых своих жертв Жиль де Ре приказывал сохранять и мумифицировать. Затем он развешивал их по стенам своего замка... прямо между портретами Жанны.

Таков был второй соратник нашей героини. Но там же в Шиноне, она обзавелась и третьим.

Знакомьтесь: предводитель гасконских наёмников дофина Карла, отчаянный головорез, виртуоз матерщины и богохульства ля Гир, по прозвищу «Сатана».

Это прозвище он получил за то, что постоянно утверждал, дескать, ад ему не страшен, так как он, ля Гир уже побывал там и остался доволен тамошним обществом.

Собственно ла Гир это тоже прозвище, на самом-то деле этого человека звали Этьен де Виньоль. Но по этому имени никто его не называл. Ля Гир – стало его настоящим именем.

Вообще гасконцев тогдашние французы ненавидели. Эти горцы, буйные как в бою так и в мирной жизни вызывали отторжение у окружающих своими грубыми манерами, постоянными поисками ссор и драк, а также своим языком непонятным для французов и вообще больше похожим на испанский, чем на французский.

Вот эту-то банду и возглавлял ля Гир. Для своего девиза этот гасконский сорви-голова придумал такую фразу: *«Королём быть не могу, принцем не хочу – я ля Гир»*

Он иногда молился богу, конечно, но молитва у него была только одна, лично им придуманная. Тоже очень оригинальная:

«Господи» просил гасконец «соверши для Ла Гира то, что Ты хотел бы, чтобы Ла Гир совершил для Тебя, если бы Ты был Ла Гиром, а Ла Гир Господом»

Характер у ля Гира был настолько бешенный, что к нему не решались без крайней необходимости даже свои приближаться.

Жанна решилась.

После короткой беседы ля Гир, к величайшему изумлению свидетелей, предусмотрительно державшихся в отдалении, вдруг опустился перед девушкой на одно колено и приложил её руку к своей голове. По гасконски это означало, что он приносит Жанне вассальную присягу.

Жанна приняла его клятву верности, но с условием, что ля Гир отныне прекратит ругаться и богохульничать.

И свершилось чудо – никто и никогда больше не услышал от ля Гира ни одного ругательства!

Ля Гир и его гасконцы были авангардом армии Жанны. Они прославились во время битвы под Орлеаном, Луарской компании и битвы при Пате.

К сожалению, незадолго до пленения Жанны Ля Гир сам попал в плен к бургундцам. Иначе он бы, наверняка, приложил все усилия для высвобождения своего божества из английских лап.

В отличие от де Реца и Алансона ля Гир не бросил королевскую службу и после гибели Жанны. Он продолжал участвовать в войне, наводя ужас на англичан, от которых получил прозвище «Гнев божий»

Умирал ля Гир страшно. В 1442 году он был отравлен неизвестным ядом, от которого и скончался в невыносимых муках, разложившись заживо.

Кстати, интересная деталь: в средние века каждая игральная карта – картинка: король, валет и дама имела исторических прототипов.

Так вот ля Гир считался валетом червей.

Чтобы было вполне понятно, как высоко оценили ля Гира создатели игровых карт, назову других валетов, в компании которых оказался сей гасконец

Валет пик – рыцарь Роланд

Валет бубен – Гектор, вождь троянцев, персонаж «Илиады»

Валет треф – рыцарь Круглого стола сэр Ланселот.

Вот такие были трое самые близкие и преданные соратника Жанны. Очень разные, абсолютно непохожие друг на друга они были объединены той непонятной и странной силой влияния на людей, которой обладала Жанна.

И дальше судьба этих троих была очень похожа. Каждый из них, под влиянием Жанны, сильно изменился. В лучшую или худшую сторону, но изменился. И каждый принял смерть тяжкую, лютую. Как и их семнадцатилетняя повелительница.

ИНТЕРЛЮДИЯ ВТОРАЯ: Пастушка из Домреми?

В исторической науке принято считать Жанну уроженкой деревеньки Домреми из Лотарингии, крестьянкой, пастушкой.

Особенно нравился этот факт советским историкам. По понятным причинам. Дескать «вышли мы все из народа», даже Жанна де Арк. Полюбуйтесь, какие огромные силы таятся в простом народе.

Историк Разин в своём труде «История военного искусства» так и пишет:

«...народные массы из своей среды выдвинули народную героиню, девушку из простонародья Жанну де Арк...»

Ну да. А, заодно, народные массы в самый краткий срок обучили свою героиню самому совершенному на тот момент военному искусству.

Один из виднейших исследователей жизни Жанны де Арк историк Левандовский пишет о победе под Орлеаном так:

«...эта победа была одержана вопреки воле господ и попов, силами простых людей, мужеством и сметливостью бесстрашной крестьянки...»

Всё бы ничего, но буквально через страницу в том же труде Левандовский цитирует следующие воспоминания современника о «бесстрашной крестьянке»

«...по военной части Жанна была очень искусна во всем: верхом ли и в обращении с пикой; в том ли, чтобы собрать армию, распорядиться боем или расположить артиллерию. И всем даже было удивительно видеть в ней искусство и предусмотрительность военачальника, воспитанного двадцати-тридцатилетнею практикою. Но особенно удивлялись необыкновенному ее искусству употреблять артиллерию.»

Как можно написать на соседних страницах две взаимоисключающие вещи, я не знаю. Ведь понятно же, что либо *«...мужество и сметливость простой крестьянки...»*, либо *«... по военной части Жанна была очень искусна во всём...»*

И надо выбирать, что-то одно из двух.

Иногда всё просто: если некий зверь имеет размер с кошку, ходит как кошка, мурлычит как кошка и издаёт прочие звуки как кошка – ну значит это кошка и есть.

И то же самое: если человек ведёт себя на войне как опытный воин – значит, он опытный воин и есть. А как иначе то?

Военному делу в средневековье учили долго. Носить доспехи, управлять боевым конём, владеть мечом и копьём, это сложная наука. Никакая крестьянка, даже очень мужественная, и близко не могла уметь ничего подобного.

Именно в виду своей высокой сложности военное дело в Средневековье было привилегией феодалов, имеющих возможность обучаться ему с самого детства.

Потребовались века развития городов и промышленности, чтобы упростить оружие, сделав доступным его освоение за краткий срок. То есть, сделать военное дело доступным народным массам, в том числе и бесстрашным крестьянам.

И если Жанна ведёт себя как опытный воин и военачальник то вывод можно сделать только один – она пришла под Орлеан уже, будучи опытным воином и военачальником. А не научилась всему этому по дороге.

Мы не знаем где и у кого она этому научилась. Наверно и не узнаем никогда. Зато знаем, что никаких военных школ, в современном смысле этого слова, в те времена не было. Воевать учились, в основном, на поле боя.

А значит, неизбежен и следующий вывод: для Жанны Орлеанская кампания – не первая в жизни.

Поэтому не надо искать корни Жанны в деревне Домреми. Там такому не учат.

Жаннетта Ромэ, которая до сих пор считается Жанной де Арк, не могла ей быть по чисто техническим причинам – она абсолютно не умела воевать. Как и все крестьяне той поры.

Жанна выдавала себя за крестьянку из Домреми-это верно. Но как Жаннетта Ромэ не могла знать и уметь того, что знала и умела Жанна де Арк, так и Жанна не знала того, что должна была, обязана была знать крестьянка Жаннетта Ромэ.

Например: Жанна упорно называет себя пастушкой. Говорит, что пасла скот в родной деревне

А вот, что показывают на допросе односельчане Жаннетты:

«...живя в отцовском доме, занималась делами по хозяйству, умела ткать и прясть холсты, ходила за плугом, жала, но не пасла ни овец ни других животных...»

Не пасла Жаннетта из Домреми никакие стада! И это не удивительно. У Домреми очень мало пахотной земли. Поэтому растениеводство там был промысел вспомогательный, а животноводство – основной.

Там где скот основной источник дохода, уходом за ним занимаются мужчины, не доверяя это дело ни женщинам, ни детям.

Такой моменту Домреми росло некое магическое дерево «Дерево фей», как называли его жители деревни.

Местные жители исполняли у этого дерева языческие ритуалы, кружились в ритуальных танцах, вешали на ветви венки из трав и цветов.

Такое двоеверие было обычайшим делом в Средневековье. Разумеется исполняла языческие ритуалы у «Дерева Фей» и Жаннетта Ромэ.

Более того, она однажды спасла это дерево. Когда местный кюре (священник) решил срубить языческое капище, именно Жаннетта пошла к нему и убедила не делать этого.

Когда Жанну на суде спросили, известно ли ей о «Дереве Фей» или «Майском дереве» она ответила:

«Рядом с Домреми много деревьев»

Может я ошибаюсь, но мне кажется это ответ человека, который явно не понимает, о чём его спрашивают.

Очевидно, что наша Жанна знать не знает ни о каком «Дереве Фей»

Зато Жанна явно знает саму Жаннетту Ромэ. Я обещал рассказать ещё в Прологе об этом. Спешу исполнить своё обещание.

Вот, что показывает сверстник Жаннетты и её односельчанин Мишель Лебуен.

Однажды, накануне Иванова дня (28 июля) он встретил Жаннетту. И та поведала ему, что когда ходила в лес, то завела в лесу очень странное знакомство. Она рассказала Мишелю, что:

«...встретила в лесу некую деву, которая говорит, что скоро коронует короля Франциски...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.